

**АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ**

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

Н. А. Самойлов

АЗИЯ (КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX ВЕКА) ГЛАЗАМИ РУССКИХ ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

**(По материалам Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина,
П. Н. Краснова)**

Русские военные исследователи внесли большой вклад в дело изучения стран Востока. В конце XIX—нач. XX в. исследования Азии велись в значительной мере по линии военного министерства. В то время российское военное ведомство оказалось заинтересованным в развитии научного и практического востоковедения. В Главном управлении Генерального штаба, в Туркестанском и Приамурском военном округах издавались сборники, посвященные странам Востока: их географии, экономике, истории, современному положению, велись исследовательские работы. Русские офицеры изучали восточные языки. Имена Н. М. Пржевальского, А. Е. Снесарева и др. хорошо известны отечественным востоковедам. В то же время о некоторых русских военных, исследовавших страны Азии и писавших о них, у нас долгие годы не вспоминали и обходили молчанием их имена. Дело в том, что многие из них в годы Гражданской войны сражались в рядах Белой армии, а генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Краснов были ее создателями и крупнейшими руководителями. Только сегодня мы можем должным образом оценить вклад этих военных деятелей в изучение Востока. Хотя их исследования носили чаще всего военно-аналитический, а порой и разведывательный характер, они сегодня представляют интерес для востоковедов разного профиля, поскольку содержат обширный материал по истории, этнографии, религиям различных стран Азии, по вопросам их взаимоотношений с Россией. Безусловно, можно только сожалеть, что долгие годы работы Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и П. Н. Краснова оставались вне поля зрения ученых. Лишь отдельные публикации этих авторов упоминались в библиографиях, при этом часто допускались неточности¹.

---

¹ В качестве примера можно привести даже такую основательную, пользующуюся заслуженным авторитетом среди востоковедов работу, какой является "Библиография Кв-

Л. Г. Корнилов — военный разведчик и исследователь Азии

О генерале Лавре Георгиевиче Корнилове написано немало книг и статей. Место и роль этого человека в истории России интерпретировались по-разному, оценки были полярными. Одни называли его "контрреволюционером", "главой военного заговора", другие — "великим русским патриотом", "творцом идеи возрождения России, начавшим борьбу против стихийного безумия, охватившего страну". Все указанные эпитеты касались прежде всего последнего, самого драматичного периода жизни Л. Г. Корнилова, его активной деятельности в 1917—1918 гг. Этот генерал в полной мере испытал чашу трагической судьбы русского офицерства, которому пришлось сделать для себя выбор во время революции 1917 года и в ходе последующей Гражданской войны. Он поступил так, как подсказывала ему совесть и честь офицера, и погиб в жестокой братоубийственной схватке.

Сосредоточившись на кульминационном периоде биографии Л. Г. Корнилова, историки и мемуаристы практически оставили без внимания большую часть его жизненного пути. Даже среди востоковедов мало кто знал, что в течение многих лет деятельность этого русского офицера была теснейшим образом связана со странами Азии. В силу объективных и субъективных причин жизнь и служба Л. Г. Корнилова изучены крайне слабо. Как советские, так и эмигрантские историки рассматривали данный этап его биографии весьма поверхностно, упоминая лишь отдельные эпизоды его службы в Азии и допуская при этом серьезные ошибки². Наиболее надежными источниками для подробного изучения биографии Л. Г. Корнилова и исследований, проведенных им в Азии, следует признать архивные материалы и некоторые работы его современников — сослуживцев и соратников Л. Г. Корнилова (при этом необходимо учесть, что личное отношение

тая" П. Е. Скачкова. Л. Г. Корнилов упоминается в ней дважды (правда, без инициалов) — как автор книги "Кашгария или Восточный Туркестан" [33, 289—290] и "Очерка административного устройства Синь-цзяна" [33, 455]. При этом его статья "Вооруженные силы Китая в Кашгарии" [6] отсутствует. Имя А. И. Деникина вообще было изъято из алфавитного указателя авторов, хотя его книга "Русско-китайский вопрос" имеется в общем перечне [33, 180]. Из работ П. Н. Краснова упомянута только книга "Борьба с Китаем" [33, 87], а авторство его обширного труда "По Азии" приписано известному ботаникогеографу и путешественнику А. Н. Краснову [33, 290].

² Например, в работах советского автора Г. З. Иоффе [22, 7] и эмигрантского исследователя Г. М. Каткова [24, 55] искажено название основной работы Л. Г. Корнилова. Употребленное в обеих книгах ошибочное название "Кашгария и Восточный Туркестан" может создать у читателя неправильное представление, что это — два совершенно разных географических региона.

этих людей к генералу Корнилову могло быть самым разным)³. И безусловно, ценнейшим источником являются работы самого Л. Г. Корнилова — его отчеты, рапорты, письма, научные публикации.

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 г. в самом сердце Азии — в Усть-Каменогорске Семипалатинской области. Отец его был казаком, дослужившимся до звания хорунжего, "пройдя всю строевую лямку" [30, 4]. К моменту рождения сына он уже вышел в отставку и служил волостным писарем. Мать Лавра Георгиевича была казачкой станицы Кокпектинской.

Детство юного казака протекало на родине — в Семипалатинской области, где жили казахи, киргизы и представители других азиатских народов. Л. Г. Корнилов с детства привык общаться с ними и находить общий язык, что, безусловно, помогло ему в дальнейшей службе, которая в основном протекала в Азии. По его собственным откровенным признаниям, он "вообще не любил Европу и лучше чувствовал себя с азиатами" [28, 13]. Генерал Е. И. Мартынов находил в нем даже признаки и черты, роднившие Л. Г. Корнилова с представителями азиатских народов⁴.

Есть сведения, что Л. Г. Корнилов свободно говорил на нескольких восточных языках и мог даже писать стихи по-таджикски [24, 57; 34, 4]. Встречаются упоминания об изучении им персидского, китайского и индийских языков [30, 16, 18]. Он сам писал о том, что беседовал с туркменами [7]. У него никогда не возникало проблем в общении с представителями азиатских народов. В войсках под командованием Корнилова было много выходцев из Азии и его популярность в их среде была огромной. "Корнилов был маленький и ловкий, держал себя просто, но был по-восточному вежлив" [24, 57]. В 1917 г., уже будучи генералом, он создал личную охрану, состоявшую главным образом из представителей среднеазиатских народов, известных в армии под названием "текинцев". Они были ему глубоко преданы и окрестили "Великим бояром" [24, 57].

Постоянно соприкасаясь с Востоком, Л. Г. Корнилов научился разбираться в психологии восточного человека, учитывать особенности

---

³ Книга В. Д. Плетнева вышла в Петрограде в 1917 г. и имела целью представить Л. Г. Корнилова сторонником демократии [30]. Н. Туземцев (Н. Т. Добровольский) был соратником Л. Г. Корнилова по Добровольческой армии [34]. Генерал Е. И. Мартынов служил вместе с Л. Г. Корниловым в Заамурском округе пограничной стражи, был его непосредственным начальником, в годы первой мировой войны они вместе оказались в австрийском плену. После революции Е. И. Мартынов перешел на сторону Советов, служил в РККА. Его книга написана с позиций критики "белого генерала", но содержит много фактов биографии Л. Г. Корнилова.

⁴ Е. И. Мартынов писал: "В Корнилове несомненно текла кровь сибирских инородцев, так как он отличался ярко выраженными чертами монгольского типа, делавшими его похожим на бурята" [28, 12].

его характера. Эти качества формировались постепенно, в длительные периоды службы на Востоке. Л. Г. Корнилову довелось побывать практически во всех сопредельных восточных странах. Его вклад в их изучение как с военно-политической, так и с научной точки зрения оказался весьма значительным.

Л. Г. Корнилов получил образование в Сибирском кадетском корпусе и в Михайловском артиллерийском училище. В 1892 г. в чине подпоручика был направлен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. В 1895—1898 гг. учился в Академии Генерального штаба. Затем 6 лет служил в штабе Туркестанского военного округа. Именно в это время он совершил ряд поездок по странам Азии. Будучи опытным и наблюдательным исследователем, занимался сбором не только тех данных, которые интересовали военные ведомства, но также изучал географию, историю, этнографию сопредельных стран. Сведения, имеющиеся в его книгах, статьях и отчетах, могут представлять значительный интерес для современных востоковедов различного профиля.

В начале ноября 1898 г. Л. Г. Корнилов был командирован в Термез, расположенный на границе с Афганистаном, в 4-ю Туркестанскую бригаду генерала М. Е. Ионова. На противоположном берегу Амударьи, в районе города Мазари-Шариф афганцы в спешном порядке соорудили крепость Дейдади для прикрытия перевалов и путей на Кабул. "Мне, — рассказывал М. Е. Ионов, — страстно хотелось выяснить характер работ, предпринятых афганцами, и по возможности воздвигнутых ими укреплений. Однако, крепость стояла в 50 верстах от берега, афганцы были бдительны и неумолимы к нашим разведчикам, и сведений об укреплении мы не имели" [30, 11].

Отношения с Афганистаном в те годы были очень сложными. Информация об этой стране была ограниченной. Афганистан в конце XIX—нач. XX в. был полностью "закрытой страной", и европейцам очень редко удавалось посещать ее. Лишь должностным лицам по специальному разрешению эмира Афганистана Абдуррахман-хана было позволено на короткий срок приезжать туда. Более или менее продолжительное время в Афганистане могли проживать лишь специалисты (преимущественно англичане), приглашенные самим эмиром и находившиеся у него на службе [23, 187—188].

В штабе Туркестанского военного округа были очень заинтересованы в получении информации о крепости Дейдади и об Афганистане в целом. Однако, учитывая настороженное и даже негативное отношение к иностранцам в этой стране, посылать туда кого-нибудь для сбора информации было смертельно опасно. Молодой офицер Л. Г. Корнилов взялся выполнить эту сложнейшую задачу и справился с нею блестяще, проявив незаурядные исследовательские и военно-аналитические способности. Итогом его нелегальной поездки в Афганистан явился об-

ширный, насыщенный очень ценной информацией отчет, который был опубликован в особом секретном приложении к "Сборнику материалов по Азии", издававшемся Главным управлением Генерального штаба [7].

В отчете Л. Г. Корнилов так объяснил причину своей поездки: "В начале ноября 1898 г. я был командирован в урочище Термез (Патта-Гиссар) для сбора сведений об Афганистане вообще и Афганском Туркестане по преимуществу. В отношении последнего, в ряду прочих вопросов — вопрос о крепости Дейдади был наиболее интересным и запутанным. Расспросных сведений о крепости имелось достаточно, но все они были так ненадежны и сбивчивы, — что главный вопрос — к какому типу крепости относится Дейдади — азиатская ли то Кала, или же крепость, построенная по правилам европейского инженерного искусства, — оставался открытым..." [7, 67].

Л. Г. Корнилов посчитал, что крепость вполне могла быть построена с учетом современных требований, так как, во-первых, "афганцы, в военном деле стоящие неизмеримо выше, чем прочие народы Средней Азии, несомненно значительно прогрессировали в инженерном деле", а во-вторых, первым строителем Дейдади был инженер-индус, который мог на практике ознакомить их с основными правилами европейской фортификации.

Подобное предприятие могло стоить головы русскому офицеру. Он полагался на хорошее знание обстановки, владение местными языками, удачный выбор проводников и личное самообладание. Л. Г. Корнилов подобрал двух туркменов, неоднократно переходивших границу и хорошо ориентировавшихся в районах, прилегающих к Мазари-Шарифу. Для того, чтобы проникнуть на афганскую территорию, необходимо было самому преобразиться в туркмена: "Голова выбрита, усы пострижены, полосатый халат, сутуловатые плечи, высоко подобранные стремяна и гортанный выговор были сделаны до того совершенно, что спутники-туркмены не могли сначала поверить, что в лице приехавшего к ним земляка, они видят блестящего таксыра русских войск" [30, 12—13]. Поездка была специально приурочена к мусульманскому посту (Ураза), во время которого движение по дорогам сводится до минимума.

Переправа через Амударью в ночь с 12 на 13 января 1898 г. на плоту из надутых козых бурдюков была очень сложной, но завершилась успешно.

Во время пребывания на чужой территории разведчикам несколько раз довелось столкнуться с афганскими военными, которые принимали их за нукеров из состава туркменской иррегулярной кавалерии. Корнилов описывал такой эпизод: "Один из проходивших через мост афганцев, джамадар (поручик), как сообщили потом солдаты, задал нам вопрос: "Вы назначены в караул? Отчего не едете на службу?" На

что Худай-Назар⁵ очень удачно ответил ему: "Сейчас едем". Из этого вопроса можно заключить, что от туркменской конницы действительно наряджаются посты к мостам и разрезды вокруг крепости" [7, 74].

Опасная поездка завершилась 15 января, были собраны очень важные сведения о крепости Дейдади и других афганских укреплениях в приграничной области. Отвечая на основной вопрос, поставленный перед началом экспедиции, Л. Г. Корнилов сделал вывод, что Дейдади — "крепость, в начертании которой сказывается уже сильное влияние европейской фортификации: бастионные фронты, удачно примененные к местности, профиль, приближенная к европейской профили, за исключением чисто азиатского парапета, от которого еще не могли отрешиться, все свидетельствует о значительном шаге афганцев в инженерном деле" [7, 84]. Русский офицер очень высоко оценил новые фортификационные сооружения, воздвигнутые афганцами, сумел доказать, что они начали отказываться от крепостей азиатского типа и заимствуют самые современные приемы инженерного искусства [7, 90]. Л. Г. Корнилов привез с собой фотографии и чертежи афганских укреплений.

Сведения, содержащиеся в отчете Л. Г. Корнилова, представляются весьма ценными для исследователей, занимающихся историей военных реформ в Афганистане. Там же содержатся любопытные наблюдения о жизни той части Афганистана, где побывал Л. Г. Корнилов, зарисовки этнографического характера. В описаниях запечатлены основные занятия жителей приграничных районов Афганистана, их образ жизни, описаны важнейшие сельскохозяйственные культуры, выращиваемые в данной местности.

Л. Г. Корнилов сумел также зафиксировать последствия столкновений, происходивших около 60 лет назад между местным населением и афганцами, что сказывалось на экономике и традиционном укладе жизни этого края: "Всюду были видны следы разрушения и запустения: развалины кишлаков, брошенных, по-видимому, недавно, городов с остатками огромных башен, стен, минаретов и зданий со следами древней высокой архитектуры тянулись на несколько верст по сторонам пути. По рассказам туркмен, всего лишь лет 60 тому назад все эти развалины представляли цветущие города и селения, обитаемые таджиками и узбеками. С появлением в долине Амударьи афганцев, Хаджа-Нахр начала пустеть, население ее, спасаясь от притеснений и поборов, стало разбегаться, и результатом полувекового господства афганцев в Чарвилаете было полное запустение некогда цветущих, огромных городов Сягырта, Бербер-Шахара и Балха" [7, 71].

---

⁵ Худай-Назар — один из спутников Л. Г. Корнилова.

Рискованное путешествие в Афганистан стало первым непосредственным знакомством Л. Г. Корнилова с зарубежным Востоком. Во время службы в Туркестанском военном округе он напряженно читал книги, статьи и отчеты, посвященные азиатским странам, изучал местные языки, занимался геологией. Летом 1899 г. Л. Г. Корнилов исследовал район Купки.

После завершения этой работы он был командирован в китайский Туркестан, где пробыл полтора года. В данном случае ему не пришлось прибегать к переодеванию и маскировке. Поездка была вполне легальной. В целях изучения западных районов Китая, граничивших с территорией Российской империи, капитану Корнилову в сопровождении поручиков Кирилова и Бабушкина довелось совершить несколько дальних и опасных поездок по труднодоступным районам Кунылуя и Тянь-Шаня. Однако, как отмечал сам Л. Г. Корнилов, тревожные настроения, вызванные в Кашгарии известиями о "боксерском" восстании, заставили в значительной мере сократить район путешествия и "вести сбор сведений далеко не в том объеме и тою полнотою, какая была желательна" [7, 1].

Интерес к данной части Китая в России был очень значителен. Это был район территориального размежевания между Цинской империей и Россией, которое завершилось незадолго до описываемого времени. В 60-е годы XIX в. Кашгария и долина р. Или были охвачены антицинским движением под руководством Якуб-бека, пытавшегося установить контакты с Англией. В результате этого восстания нарушилась караванная торговля, были разрушены торговые фактории. В 1878 г. маньчжуро-китайские войска подавили выступление и восстановили власть империи Цин в Кашгарии. Но отголоски этого движения ощущались еще и в 90-х гг. XIX в.

Русские военные исследователи всегда проявляли пристальное внимание к этому региону Китая. Еще в 1879 г. была опубликована книга полковника Генерального штаба А. Н. Куропаткина (впоследствии военного министра) "Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля", удостоенная медали Географического общества [25]. А. Н. Куропаткин возглавлял российское посольство к Якуб-беку.

В конце 90-х годов штаб Туркестанского военного округа принял решение направить двух опытных военных разведчиков в Кашгарию и Илийскую область. Выбор пал на капитана Корнилова и подполковника Федорова. Результатом этих экспедиций явилось появление двух объемных, насыщенных ценной информацией книг: "Опыт военно-статистического описания Илийского края" Федорова [35] и "Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания" Корнилова [8]. Однако уровень этих работ, написанных примерно по

одному плану, оказался различным. Выдающийся российский востоковед В. В. Бартольд весьма критично отозвался о книге подполковника Федорова и в то же время дал положительную оценку работе Л. Г. Корнилова. "По количеству собранного материала и степени его разработанности, не говоря уже о чисто внешних недостатках (обилие опечаток и т. п.), труд г. Федорова значительно уступает труду г. Корнилова", — писал В. В. Бартольд (20, 0132).

Еще до появления указанной книги Л. Г. Корнилов опубликовал две статьи, посвященные отдельным аспектам современного положения Синьцзяна: "Очерк административного устройства Синьцзяна" [5] и "Вооруженные силы Китая в Кашгарии" [6]. В этот период он являлся составителем выходявшего в Ташкенте издания "Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским В. О.", содержащего много полезной информации о жизни стран Азии.

Работа над книгой растянулась на несколько лет. 30 декабря 1902 г. Л. Г. Корнилов писал В. Н. Зайцеву⁶ из Ташкента: "Хотя я работаю теперь на Западно-Афганском направлении, но с интересом слежу за ходом дел в Кашгарии. Месяца через 3—4 выпущу, Бог даст, даже целую книгу, 1/4 работы уже напечатана" [1, ф. 116, оп. 2, д. 38, л. 27-об.]. Л. Г. Корнилов очень беспокоился о том, какое впечатление произведет его книга на специалистов и, видя в ней определенные недочеты, объяснял их теми проблемами, которые возникли во время работы в Кашгарии. Отправив 16 августа 1903 г. свой труд В. Н. Зайцеву, он сопроводил его следующими словами: "Посылаю Вам «Кашгарию» и покорнейше прошу Вас откровенно высказать свое мнение. Промахи и недочеты в ней, конечно, есть, и я их сам чувствую. Вероятно, книга много выиграла бы в смысле полноты и точности суждений, если я пользовался бы содействием представителя нашего иностранного ведомства в Кашгарии, а не наткнулся постоянно на противодействие с его стороны" [1, ф. 116, оп. 2, д. 38, л. 28].

Работая над этой книгой, Л. Г. Корнилов смог проявить свои научно-исследовательские способности. Он привлек большой круг источников и научных материалов по истории, географии, этнографии, сельскому хозяйству западных районов Китая. В перечне литературы, послужившей основой для книги, значатся работы Н. М. Пржевальского, труды Тибетской экспедиции под руководством М. В. Певцова, материалы экспедиций Императорского Русского Географического общества, множество статистических сборников. Помимо отечественных

---

⁶ Зайцев Василий Николаевич (1851—1931) — российский офицер, исследователь Азии. В 1893 г. — капитан, начальник Памирского отряда, в 1895—1906 гг. — начальник Ошского уезда Ферганской области. В 1906 г. вышел в отставку. Активный член Русского Географического общества и Общества испытателей природы [1, ф. 116].

публикаций, Л. Г. Корнилов привлек работы на английском, немецком и французском языках. Китайским языком он в то время не владел, но, как показывает анализ его работы, мог достаточно хорошо ориентироваться в китайской терминологии и очень часто выбирал наиболее правильное написание китайских названий и терминов.

Первую главу своего "Описания" он посвятил изложению истории Кашгарии, начиная с рассказа о ее древних обитателях и кончая событиями последних лет. Естественно, особое внимание он уделил истории восстания в Кашгарии, анализу его причин и деятельности Якубека, а также вопросам, связанным с подписанием русско-китайских соглашений о границе, завершив этот разбор рассмотрением протокола 1894 года о Памире.

Л. Г. Корнилов представил подробное географическое описание Кашгарии (рельеф, водные ресурсы, климат), сделанное весьма профессионально. Известно даже, что его работой пользовались на занятиях студенты Горного института. Особое место автор отвел анализу этнического состава населения и вопросам его расселения на территории Кашгарии. Но наибольшее внимание было уделено вооруженным силам Китая в восточном Туркестане и важнейшим укрепленным пунктам. Л. Г. Корнилов пришел к выводу, что "в первые годы по восстановлению китайского господства в Кашгарии политическая неблагонадежность населения страны и постоянные опасения за неприкосновенность границ ее со стороны России вызывали усиленные заботы китайского правительства о развитии вооруженных сил и средств края. Наиболее рельефно деятельность правительства проявилась в указанных направлениях в 1891—1893 гг. в период обострения Памирского вопроса". За короткий срок китайцам удалось создать в Кашгарии довольно сильную группировку войск. Однако японо-китайская война 1894—1895 гг., захваты европейцами части китайской территории в приморских районах в 1898 году и восстание ихэтуаней привели к сокращению численности войск в Синь-Цзяне до сорока тысяч, из которых одиннадцать тысяч сосредоточены в Кашгарии [8, 356].

Особое место Л. Г. Корнилов отвел вопросам комплектования этих войск. Он обратил внимание на то, что, опасаясь волнения местного населения, правительство предпочитает большую часть кашгарских войск набирать путем вербовки китайцев, которых в самом Синь-Цзяне крайне мало, поэтому вербовка производится в соседней провинции Ганьсу. В армию должны были приниматься лица не моложе восемнадцати лет, хотя это правило строго не соблюдалось, и Л. Г. Корнилову часто попадались на глаза мальчишки-солдаты моложе пятнадцати лет. Срок службы не был регламентирован, и каждому было предоставлено право наниматься на такой период времени, на какой пожелает (очень часто на двадцать лет).

Однако, стремясь удешевить содержание войск, цинская администрация все же шла на привлечение в армию представителей мусульманского населения. Л. Г. Корнилов отмечал, что, несмотря на очень плохие отношения между дунганями и китайцами, дунгане все же составляют до 10% штатного расписания. Однако чисто дунганские части допускались лишь в виде редкого исключения, ибо маньчжуры и китайцы опасались новых восстаний. Л. Г. Корнилов был очень невысокого мнения относительно монгольских воинских формирований, входивших в состав частей, расквартированных в Синьцзяне, ибо, по его мнению, "искусная политика китайского правительства и распространение буддизма окончательно убили в монголах тот высокий воинский дух, который отличал армии Чингиз-хана и его ближайших преемников" [8, 363].

Заканчивая разбор боеспособности местных формирований, Л. Г. Корнилов сделал вывод, что "из всех контингентов, которые могут быть выставлены местным населением Кашгарии, серьезного внимания заслуживают лишь киргизы" [8, 362]. Киргизское население Кашгарии, освобожденное от казенных податей и налогов, было обязано поддерживать за плату почтовое сообщение по определенным линиям и выставлять пограничные караулы. Каждому беку, владения которого примыкали к границе, была поручена ее охрана на определенном участке. На каждом посту было положено содержать по десять конных джигитов, а на всех постах их должно быть пятьсот. Однако Л. Г. Корнилов заметил, что на самом деле их содержат не более трехсот, так как беки, получая денежное содержание на полное число джигитов, предпочитали держать на каждом посту по пять или семь человек, причем большая их часть не имела лошадей. Куда попадали "лишние" деньги — понятно.

Если бы власти действительно всерьез заботились об охране данной территории, они, по мнению Л. Г. Корнилова, могли бы создать из киргизов весьма приличную конницу, пригодную для сторожевых и разведывательных операций и ведения малой войны. Но цинская администрация не пыталась этого сделать, может быть в силу того, что опасалась киргизов.

Проанализировав ситуацию с комплектованием частей офицерами, русский разведчик пришел к неутешительным для китайской стороны выводам. В частях, расположенных в Кашгарии, практически не было офицеров, прошедших курс военных училищ, созданных в Китае в годы осуществления политики "самоусиления". Там было мало даже таких офицеров, которые сдали бы экзамен на получение офицерской должности. Большинство здешних офицеров выслуживались из нижних чинов, начав свою карьеру в свитах каких-либо начальников, поэтому

образовательный уровень их был крайне низким, а многие не умели даже читать.

Л. Г. Корнилов представил подробный разбор тактической организации войск, состоящих из пехоты (будуй), кавалерии (мадуй) и артиллерии (паобин). Инженерных войск в Кашгарии не было, а все работы по постройке и исправлению укреплений и коммуникаций производились самими войсками или местным населением. Артиллерия была незначительна, но в отдельных укреплениях к сильной стороне следовало отнести то, что орудия были современными, произведенными в Германии на заводах Бергера, Вагнера и Круппа. Зато крепостная артиллерия состояла из гладких, заряжаемых со ствола орудий старинного образца, изготовлявшихся на заводе в Урумчи. Л. Г. Корнилов очень обстоятельно осветил в своей работе вопрос о вооружении китайских войск в Кашгарии. Расспросив китайских офицеров, Л. Г. Корнилов узнал, что "усовершенствованное оружие в мирное время не выдается из-за опасения его порчи", и сделал вывод, что "китайские власти, находясь под постоянным опасением солдатских бунтов, считают более удобным иметь в мирное время на вооружении войск всякий хлам, чем выдавать солдатам более или менее порядочное оружие" [8, 381]. Кавалерия была вооружена несколько лучше пехоты. Помимо пик и шашек кавалеристы имели карабины Маузера образца 1873 года.

Итогом этого анализа явился совершенно убийственный вывод, сделанный подполковником Корниловым относительно состояния вооружения китайской армии: "Огнестрельное оружие, безразлично, какое бы оно ни было, хранится на складах без всякого надзора, портится, ржавеет и постепенно приходит в негодность. Выданное в части, оно портится еще быстрее, так как ни солдаты, ни офицеры не имеют ни малейшего понятия в правилах разборки, чистки и ухода за оружием... При таких условиях, большая часть пехотных ружей совершенно непригодна для боевого употребления" [8, 388].

После поездки по Кашгарии Л. Г. Корнилов пришел к заключению о крайне низком уровне дисциплины в китайской армии. По его мнению, "вербовочная система приводит к тому, что в войска попадают подонки общества, которые еще больше разлагаются в частях от безделья и курения опиума", ибо "присмотра за солдатами не существует", а служба в мирное время ограничивается нарядами в караул к городским воротам и на передовые посты. Офицеры же погрязли в казнокрадстве и постоянно обирают солдат. Субординация поддерживалась лишь страхом наказания. Любопытно, что суд вершил непосредственный начальник на основании свода военно-полевых законов. Были предусмотрены следующие наказания для нижних чинов: удары бамбуковыми палками, ссылка, наложение ножных кандалов и колодок,

смертная казнь, а для офицеров: арест, смещение с должности, разжалование, наказание палками (иногда его можно было заменить вычетами из жалования) и, наконец, смертная казнь. Казнь осуществлялась путем отсечения головы прямо в частях.

Л. Г. Корнилову удалось проникнуть в серьезные проблемы, с которыми столкнулась цинская армия в начале столетия. Глубочайший социально-экономический кризис, который переживал Китай, в полной мере затронул и вооруженные силы. Результаты были налицо: армия разлагалась, на глазах теряя боеспособность.

Общий вывод, который был сделан Л. Г. Корниловым, сводился к тому, что малочисленность и неудовлетворительные качества китайских войск в Кашгарии, недостаточно вооруженных, почти не обученных и плохо снабженных, а также практически полная изолированность последней от соседних областей Китая указывают, что здешние вооруженные силы недостаточно гарантируют безопасность и являются ненадежной защитой от внешнего вторжения.

Казалось бы, после столь однозначных оценок возможного превосходства русских войск над китайскими, учитывая ослабление Цинской империи в результате интервенции восьми держав, военный разведчик должен был дать не менее однозначную рекомендацию о целесообразности русского наступления. Однако этого не произошло.

Л. Г. Корнилов оказался не только блестящим военным аналитиком, но и дальновидным политиком. Он понял, что слабость Китая лишь временная, что китайский солдат при должной подготовке может мужественно и стойко сражаться. И если создать хороший офицерский корпус, отвечающий своему назначению, и ликвидировать имеющиеся злоупотребления, китайская армия станет более боеспособной. Но главное, что понял Л. Г. Корнилов, — нельзя, пользуясь сегодняшней слабостью великого соседа, извлекать сиюминутную выгоду. В исторической перспективе для России важнее иметь прочные дружественные отношения с Китаем. Поэтому Л. Г. Корнилов считал идею вооруженного вторжения в западные районы Китая технически осуществимой, но политически и исторически безрассудной. Он завершил свою работу многозначительными словами: "Нам нет никакого расчета стремиться к расширению наших границ присоединением Кашгарии... Нам несравненно выгоднее оставить ее во власти такого уживчивого миролюбивого соседа, как китайцы, обеспечив за собой безусловное политическое и торговое влияние в этой стране, на что мы имеем исключительное право в силу близкого соседства с восточным Туркестаном и в силу близких родственных связей его населения с населением Русского Туркестана" [8, 426].

Книга Л. Г. Корнилова получила высокую оценку специалистов. В. Н. Зайцев, прочитав ее, написал автору следующее: "Сердечно бла-

годарю Вас за высланный труд о Кашгарии. Он представляет полную картину Восточного Туркестана, и мне непонятно, почему Вы назвали свою интереснейшую работу опытом да еще отдали под редакцию начальника штаба" [1, ф. 116, оп. 2, д. 38, л. 31].

В. В. Бартольд в своей рецензии отметил целый ряд достоинств работы Л. Г. Корнилова: наличие ценных наблюдений, касающихся современной жизни, правильные суждения относительно важнейших исторических событий и даже точные замечания лингвистического характера: "Не обладая лингвистической подготовкой, г-н Корнилов, конечно, не дает нам материала для изучения диалектов страны, но сообщает те сведения, которые мы могли ждать от неспециалиста, о соотношении между собой представителей разных народов и даже некоторых особенностях произношения в той или иной местности" [20, 0136]. Очень интересными, по мнению В. В. Бартольда, были также замечания Л. Г. Корнилова по поводу религиозной ситуации в восточном Туркестане: "Любопытно наблюдение г-на Корнилова, что в Кашгарии нет никаких следов розни между суннитами и шиитами и, что представители обоих толков там «отлично уживаются друг с другом»" [20, 0136].

В. В. Бартольд был уверен, что книгой Л. Г. Корнилова "с благодарностью будут пользоваться не только военные специалисты, но и интересующиеся прошлым края" [20, 0137]. Он был удовлетворен тем, что штаб Туркестанского В. О. не включил эту работу в число "секретных" изданий, что чаще всего случалось с трудами военных исследователей, а допустил ее поступление в свободную продажу.

Книга Л. Г. Корнилова стала серьезной вехой в изучении русскими исследователями восточного Туркестана. Между тем после поездки в Кашгарию, параллельно с работой над книгой, Л. Г. Корнилов совершил еще одно путешествие.

В 1901 г. он был направлен в Персию для изучения восточных провинций этой страны (в Хорасан и Систан). Указанные районы представляли особый интерес, так как граничили с территорией Британской Индии и притягивали к себе внимание англичан.

Л. Г. Корнилов в сопровождении двух туркменов и двух казаков совершил путешествие по пустынным районам Персии. Экспедиция продолжалась около 8 месяцев. Он собирал материал о географии, природных ресурсах, климате, истории, экономике далекого края, который был мало известен в России. Экспедиция была очень тяжелой, путешественники постоянно испытывали лишения, порой единственной пищей отряда были мучные лепешки. "За отсутствием посуды муку превращали в тесто на туркменском халате и пекли потом на углях. Силы лошадей и людей убывали с каждым часом..." [30, 17].

Вернувшись в конце 1901 г. на родину, Л. Г. Корнилов занялся обработкой собранных материалов. Его особенно заинтересовали история Хорасана и некоторые вопросы отношений между Россией и Персией. В 1905 г. была опубликована написанная им "Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана" [9]. Л. Г. Корнилов подробно описал историю отношений Персии с туркменами, рассказав о частных поражениях персидских войск во время походов против туркмен, рассмотрел историю отношений Персии и Афганистана в XVIII—XIX вв. Взаимоотношения России и Персии были проанализированы им с учетом позиции Англии по этому вопросу. Находясь в Персии, Л. Г. Корнилов начал собирать сведения о новой дороге, постройку которой организовали англичане. Они рассчитывали связать западные районы Британской Индии с иранской провинцией Систан, проведя дорогу через труднодоступные районы Среднего Востока. В связи с этим она могла приобрести огромное военно-стратегическое значение и способствовать проникновению англичан в Персию и Афганистан.

С целью более детального изучения новой дороги, получившей в русских изданиях название "Нупки-Сеистанская", Л. Г. Корнилов (к тому времени уже полковник) осенью 1903 г. был направлен в Индию⁷. Кроме того, он должен был собирать информацию о британских войсках в Индии, наблюдать за текущими событиями и анализировать отношения между англичанами и местным населением. По некоторым данным, ему было дано задание заниматься изучением индийских языков [30, 18; 34, 5], но в отчете об этом не упоминается.

В начале ноября 1903 г. Л. Г. Корнилов выехал из Одессы в Стамбул, где посетил российского генерального консула П. Г. Панафидина, хорошо разбиравшегося в ситуации, сложившейся в то время на Ближнем и Среднем Востоке. П. Г. Панафидин долгое время служил в азиатской Турции, Персии и участвовал в работе Памирской разграничительной комиссии в 1895 г. Он имел много знакомых из числа офицеров англо-индийской армии и мог основательно ввести Л. Г. Корнилова в курс дела. П. Г. Панафидин посоветовал Л. Г. Корнилову ехать в Индию под своей фамилией и не скрывать воинское звание, так как он уже был хорошо известен властям Британской Индии по прежним своим поездкам по китайскому Туркестану и Персии [11, 2]. Советы опытного П. Г. Панафидина оказались верными, в чем Л. Г. Корнилову

---

⁷ Отчет Л. Г. Корнилова о поездке в Индию был напечатан в секретном приложении к "Сборнику материалов по Азии" [11] и в то время был доступен лишь узкому кругу военных специалистов. В дальнейшем он практически не использовался востоковедами. В коллективной работе отечественных индологов "Россия и Индия" этот отчет упомянут лишь в списке вместе с другими работами аналогичного характера [31, 320].

довелось вскоре убедиться: в Индии он постоянно сталкивался со знакомыми ему английскими офицерами.

Л. Г. Корнилов за время командировки проехал значительную часть Индии, побывав в Бомбее, Пуне, Агре, Канпуре, Лакхнау, Дели, Лахоре, Равалпинди, Пешаваре и других городах. Конечной точкой его пездки оказался г. Кветта, расположенный недалеко от границы с Афганистаном (территория современного Пакистана). Вблизи него начиналась та самая "Нушки-Сеистанская" дорога, к которой стремился Л. Г. Корнилов.

Однако английский генерал Смит-Дорриен заявил ему, что "дорога не открыта для иностранцев" [11, 72], имея в виду, конечно, европейцев, и прежде всего русских. Персидским подданным проезд по ней был разрешен⁸. Л. Г. Корнилов, очевидно вспомнив свою нелегальную поездку в Афганистан, попытался и здесь изучить возможность подобного путешествия, но пришел к неутешительным выводам: "Познакомившись с условиями, которыми обставлен пропуск караванов из Кветты, я убедился, что выйти отсюда незамеченным было невозможно, а без каравана, хотя бы даже в минимальном составе, идти в Сеистан было немислимо" [11, 73]. К тому же еще в Пешаваре Л. Г. Корнилов узнал о начале русско-японской войны и подумал о возвращении на родину⁹. Досаждало ему излишнее внимание со стороны британской полиции: в Пешаваре из гостиничного номера украли его чемодан, а когда он был найден, то выяснилось, что деньги целы, но исчезли фотоаппарат, фотографии, бинокль и некоторые книги. К счастью, записные книжки Корнилов всегда носил при себе.

В своем отчете Л. Г. Корнилов дал обстоятельное описание и детальную характеристику англо-индийской армии. Повсюду в Индии он старался посетить казармы, полигоны, арсеналы, крепости, присутствовал на военных смотрах и учениях. В этом смысле его заметки очень удачно дополняют наиболее известную работу того времени, написанную подполковником Генерального штаба И. К. Серебrenниковым "Индо-британская армия", специально посвященную этой теме [32].

В отчете Л. Г. Корнилова давалась подробная характеристика так называемых "волонтерных войск", созданных англичанами после по-

---

⁸ Л. Г. Корнилов писал по этому поводу в отчете: "...в заключение генерал добавлял, что он не считает нужным скрывать от меня, что им получено категорическое указание не пускать меня далее Кветты" [11, 72].

⁹ Интересны замечания Л. Г. Корнилова по поводу реакции английских офицеров в связи с началом русско-японской войны и первыми неудачами русских: "Генерал и офицеры штаба выразили мне, как представителю русской армии, сочувствие несчастью, постигшему наш флот при первой атаке на Порт-Артур; однако, несмотря на всю корректность английских офицеров, видно было, что наши первые неудачи доставили им немало удовольствия" [11, 61—62].

давления восстания сипаев 1857—1859 гг. Однако, по мнению Л. Г. Корнилова, они не представляли серьезной силы: "Отсутствие при зачислении в волонтеры каких-либо определенных требований относительно физического сложения, повело к тому, что среди волонтеров, среди парсов в особенности, встречаются люди, совершенно слабые, совершенно непригодные к перенесению тягот военной службы, что и выяснилось на прошлогодних Делийских празднествах" [11, 14].

Л. Г. Корнилов указывал на то, что в волонтерных войсках очень мало англичан, а парсы и представители других национальностей, допускаемые британцами к службе, идут служить в основном из меркантильных соображений. Офицеры и унтер-офицеры не имели достаточного опыта и квалификации. В Пуне Л. Г. Корнилову довелось присутствовать на одном из занятий волонтеров. Отзыв подполковника российской армии о нем оказался негативным: "Ученье закончилось рассыпным строем, которым руководил сам командир роты. Почтенный профессор литературы в одном из местных колледжей, капитан Фрезер оказался весьма плохим ротным командиром. Без всякого толка, но с большим усердием, он, в продолжения по крайней мере 1/2 часа, буквально гонял своих волонтеров по обширной Parade ground волонтерного клуба, то рассыпая их в цепь во всевозможных направлениях, то собирая, неизвестно зачем, снова в кучу. В общем все учение производило впечатление детской игры в солдатики" [11, 13].

Так называемые "туземные войска", то есть части, формировавшиеся из индусов и мусульман Индии, по мнению Л. Г. Корнилова, также не отличались надежностью. Условия, в которых жили индийские солдаты, были очень плохими, помещения — низкими, тесными, грязными и плохо освещенными. Английские офицеры не заботились о своих индийских подчиненных и считали, что улучшать условия жизни и службы сипаев не следует. Л. Г. Корнилов отмечал, что в русских частях, расквартированных в Средней Азии, ситуация значительно лучше: "Джигитские помещения в наших отрядах и постах в Туркестане отличаются несравненно большим удобством и комфортом, даже в сравнении с офицерскими помещениями индийской армии" [11, 19].

Учитывая ненадежность сипаев и слабость волонтеров, англичане, даже в случае серьезного вооруженного конфликта, должны были держать часть войск внутри Индии для обеспечения порядка и собственной безопасности — так считал Л. Г. Корнилов.

Вместе с тем ему довелось увидеть части, формировавшиеся из местного населения, но надежные с точки зрения англичан. В Лахоре он наблюдал за действиями 11-го Бенгальского уланского полка, состав которого был укомплектован сикхами, пенджабскими мусульманами и патанами [11, 35].

Особенно высокой оценки Л. Г. Корнилов удостоил части, сформированные из гуркхов (уроженцев Непала). Англичане считали их "лучшими солдатами своей туземной армии". Гуркхи отличались практически во всех английских экспедициях в районе северо-западной границы. Интересно, что и состав английских офицеров в "гуркхаских полках" был подобран более тщательно. "Офицеры интеллигентнее, у них больше проявляется интереса к своему делу и больше внимания к солдату" [11, 39]. Естественно, что, доверяя гуркхам более, чем представителям других народов Индии, английские власти лучше обучали их военному делу и командование поручали наиболее подготовленным офицерам. Л. Г. Корнилов увидел также проблемы во взаимоотношениях различных народов Индии, сознательно улубившиеся политикой британских властей.

Полковник Корнилов обратил внимание на то, что англичане продолжали активную подготовку к новому вторжению в Афганистан. Об этом, по его мнению, свидетельствовало наличие большого количества вьючных животных (мулов, волов, верблюдов) в Лахорском транспортном депо, предназначенных для действий в горных районах [11, 43]. Он также отметил высказывание генерала Барроу о том, что англичане "сделали крупную и непростительную ошибку — не удержали Кандагар" [11, 65]. Английские войска в то время, по мнению Л. Г. Корнилова, ждали лишь удобного случая для новой войны против Афганистана.

Отчет Л. Г. Корнилова о поездке в Индию, безусловно, является ценным источником для изучения истории индо-британской армии и политики англичан в Индии и на ее границах в нач. XX в.

Несмотря на то что англичане не позволили Л. Г. Корнилову проехать из Кветты через Нушки в Сеистан, ему все же удалось подготовить и опубликовать в 1905 г. "Маршрутное описание Нушки-Сеистанской дороги" [10]. В своей работе Л. Г. Корнилов изложил историю создания дороги, отметив, что вначале планировалось строительство железнодорожной линии, но из-за определенных трудностей от этой идеи все-таки отказались. Особо был выделен вопрос о военно-стратегическом значении данного пути: "...устройство этой линии завершит оккупацию англичанами Сеистана и послужит дальнейшему упрочению их политического и торгового преобладания на всем юго-востоке Персии и берегах Персидского залива" [10, 30]. Основой для написания этой ценнейшей справки о районе практически неизвестном в России послужили подобранные Л. Г. Корниловым публикации на английском языке и расспросные сведения, собранные им во время поездок в Персию и Индию.

Завершив к концу 1904 г. работу над отчетами, Л. Г. Корнилов настоятельно просил отправить его на Дальний Восток, в действу-

ющую армию, и был назначен начальником штаба 1-й стрелковой бригады. Начался новый период его жизни, связанный с Дальним Востоком, и прежде всего с Китаем. Со своей бригадой Л. Г. Корнилов участвовал в боях под Сандепу и Мукденом.

Когда начался отход русских войск от Мукдена, Л. Г. Корнилов принял на себя командование бригадой, на которую была возложена важнейшая задача по прикрытию отступления 2-й армии. Поздно ночью, когда основная часть армии смогла выйти из-под удара японских войск, остатки бригады Корнилова оказались окружены противником. Корнилов предпринял решительный прорыв, и русским удалось вырваться из вражеского кольца. При этом были сохранены артиллерия, пулеметы, вынесены знамена и спасены раненые. За этот бой Л. Г. Корнилов был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени [30, 18—19].

После окончания русско-японской войны он получил назначение в Главное управление Генерального штаба и, очевидно, участвовал в выпуске "Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии". По заданию штаба Л. Г. Корнилов посещал Туркестан, Кавказ и Западную Европу.

В конце 1907 г. он получил назначение в Китай на должность военного агента (т. е. военного атташе, если пользоваться современной терминологией). В Китае Л. Г. Корнилов пробыл до февраля 1911 г. Его деятельность в Среднем государстве была очень многогранной. В Китае происходили перемены, предпринимались попытки реформ, в том числе в армии и на флоте. Все это очень интересовало российское правительство. Л. Г. Корнилову постоянно приходилось писать справки и отчеты, совершать поездки по стране. К тому же ему пришлось решать многие вопросы, оставшиеся в наследство после русско-японской войны, особенно те, что были связаны с поставками для русской армии. Л. Г. Корнилов ознакомился с бытом и повседневной жизнью китайцев, старался понять особенности уклада и характер великого, но недостаточно знакомого ему народа. Он осматривал войска, военные и гражданские школы, бывал в различных учреждениях.

Реформы, проводившиеся в Китае в первые годы XX в., охватывали различные стороны социальной, экономической и политической жизни. Но особенно интенсивно внедрялись реформы в армии и на военно-морском флоте. Однако в условиях сохранения династии Цин результаты этих реформ были малоэффективны.

В рапорте от 24 марта 1908 г. военный агент Л. Г. Корнилов сообщал, что хотя в Китае появилось большое количество новых кораблей, флот еще далек от современных требований: "Насчитывая таким образом 66 вымпелов, китайский флот, с первого взгляда, представляет довольно внушительную силу, но на деле это не так: типы судов, вхо-

дящих в состав флота, весьма разнообразны; многие суда, обладая весьма малым ходом, не представляют никакой ценности, как современные боевые корабли" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 12 об.].

Л. Г. Корнилов в своем рапорте привел очень любопытный факт, характеризующий политику китайского правительства, стремившегося получить финансовую помощь для реформирования флота от зарубежных китайцев. Летом 1907 г. два лучших крейсера были направлены в Гонконг, Сайгон, Бангкок, Сингапур, Манилу и на Яву, имея цель "показать там китайцам-эмигрантам «флаг Дракона» и собрать пожертвования на флот. Наиболее блестящий прием был оказан этой эскадре в Батавии, но собрать необходимую сумму все же не удалось" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 13 об.]. И все-таки, по мнению Л. Г. Корнилова, "наряду с реформами в деле администрации страны и создания новой сухопутной армии, китайское правительство обратило за последнее время серьезное внимание на морскую оборону страны" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 13 об.]. К числу наиболее горячих поборников реформ, и в частности развития флота, Л. Г. Корнилов относил одного из крупнейших китайских политических деятелей того времени Чжан Чжидуна. В рапорте военного агента его взглядам и деятельности была дана очень высокая оценка [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 14 об.].

В другом рапорте Л. Г. Корнилов представил подробное описание мероприятий по усилению флота, подготовке его личного состава, информировал о приморских укреплениях и фортах, военных гаванях и портах, доках и верфях Китая [2, ф. 418, оп. 1, д. 3880, л. 4—21]. Западные державы и Япония рассчитывали использовать интерес цинского правительства к реформированию военно-морского флота для укрепления своего влияния на Китай. Л. Г. Корнилов предупреждал об этом правительство России. Он сообщил, что в 1908 г. в Китай прибыл капитан Гук — представитель английских судостроительных компаний и привез предложения о постройке кораблей в Англии. Однако правительство Китая сообщило об этом предложении в Германию, Японию и Австро-Венгрию. Ответ, присланный из морских мастерских г. Триеста, и их предложения о постройке в Триесте военных кораблей для Китая, попали в руки Л. Г. Корнилова. Он переправил их в Россию, показав, как западные державы (даже Австро-Венгрия) ведут борьбу за влияние на Китай [2, ф. 418, оп. 1, д. 3878, л. 1—9].

С 4 по 6 июня 1909 г. Л. Г. Корнилов посетил гарнизон г. Цицикара на северо-востоке Китая. Он осмотрел помещения, военную школу, присутствовал на строевых учениях и сделал вывод о серьезных успехах, достигнутых китайцами в области реформирования армии: "китайцы вполне способны воспринять все современные требования" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3879, л. 3 об.]. "С целью оценить тактическую подготовку роты лу-цзюня, последней была предложена полковником

Корниловым особая задача (рота составляет боковой отряд, перед ней внезапно оказался противник, которого и приказано немедленно же атаковать). Выполнение же предложенной задачи исполнено ротным командиром обдуманно, со вниманием, с полным применением к местности" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3879, л. 3]. Очень большой интерес у русского военного агента вызвали занятия гимнастикой, входившие в программу подготовки китайских солдат.

Донесения, доклады и аналитические записки Л. Г. Корнилова, направлявшиеся в российские военные и военно-морские ведомства, содержали очень ценные сведения о политической обстановке в Китае и состоянии его армии. Они сыграли важную роль в информировании российского правительства о реальном положении дел в Цинской империи накануне Синьхайской революции.

После нескольких лет службы на ответственном военно-дипломатическом посту Л. Г. Корнилов был назначен командиром 8-го пехотного Эстляндского полка, расквартированного вблизи Варшавы. Но, едва успев принять часть, он был снова переведен на Дальний Восток и назначен начальником 2-го отряда Заамурского округа пограничной стражи, состоявшего из двух пехотных и трех конных полков, а затем произведен в генерал-майоры. Здесь Л. Г. Корнилову пришлось столкнуться с серьезными проблемами отнюдь не военного характера и проявить свою принципиальность. Дело в том, что войска Заамурского округа в то время частично располагались на территории Китая. Именуемые пограничной стражей, они подчинялись не военному министерству, а министру финансов, носившему также титул "шефа пограничной стражи". К тому же в хозяйственном отношении войска оказались в полной зависимости от частного общества Китайско-Восточной железной дороги. Подобная неразбериха создавала благоприятные условия для всякого рода злоупотреблений и даже воровства [27, 5]. Тогдашний начальник округа генерал Е. И. Мартынов решил провести расследование поступающих к нему многочисленных жалоб. Всем была известна честность и неподкупность Л. Г. Корнилова, поэтому именно ему Е. И. Мартынов по приезде в Харбин поручил провести дознание о систематическом снабжении русских войск, расположенных в Маньчжурии, недоброкачественными продуктами. В итоге удалось вскрыть самые серьезные злоупотребления, и 27 июля 1912 г. дело было передано военному следователю, причем по постановлению прокурорского надзора к следствию были привлечены, в качестве обвиняемых, помощник начальника округа — генерал-лейтенант Сивецкий и другие деятели хозяйственного управления [27, 32].

Однако шеф пограничной стражи В. Н. Коковцев, чтобы покрыть эти злоупотребления, выхлопотал высочайшее повеление о прекращении следствия. Не желая в такой ситуации продолжать службу, гене-

рал Е. И. Мартынов вышел в отставку, а возмущенный Л. Г. Корнилов подал прошение о переводе его обратно в военное ведомство. В 1913 г. он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, расположенной во Владивостоке [28, 13]. Летом 1914 г. грянула мировая война, и генерал Л. Г. Корнилов отправился на Австрийский фронт, покинув Азию уже навсегда.

В последний год своей жизни он был назначен главнокомандующим русской армии, возглавил вооруженное выступление против правительства Керенского, встал во главе Белого движения и совместно с генералом Алексеевым сформировал Добровольческую армию. Но об этих событиях написано довольно много, и они не являются предметом настоящей статьи. Лавр Георгиевич Корнилов погиб 13 апреля 1918 г. во время штурма Екатеринодара.

Судьба этого русского офицера оказалась теснейшим образом связана с Азией. Здесь он проявил себя как военный, здесь же раскрылся его исследовательский дар. Незаслуженно забытые исследования Л. Г. Корнилова безусловно должны занять свое место в ряду серьезных работ русских военных деятелей о Востоке.

Российско-китайские отношения в оценке А. И. Деникина

Антон Иванович Деникин — один из наиболее видных руководителей Белого движения, генерал-лейтенант царской армии, главнокомандующий вооруженными силами Юга России в период Гражданской войны.

Родился 4 (16) декабря 1872 г. В 1899 г. окончил Академию Генерального штаба. Активный участник русско-японской войны 1904—1905 гг., об участии в которой и пребывании на территории Китая он подробно писал в мемуарах [3]. Во время первой мировой войны командовал дивизией, корпусом, фронтами. В конце 1917 г. совместно с генералами М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым организовал Добровольческую армию. После Гражданской войны жил в эмиграции, отказался сотрудничать с гитлеровцами. Умер 8 августа 1947 г. в США.

Судьба А. И. Деникина была не так тесно связана с Азией, как жизнь Л. Г. Корнилова, но двухлетнее пребывание в Китае пробудило у него интерес к этой стране. Он знакомился со всей доступной литературой по Китаю, внимательно следил за публикациями в "Сборнике материалов по Азии", издававшемся Главным управлением Генерального штаба [3, 101].

После русско-японской войны в печати активно стал обсуждаться вопрос о возможной угрозе для России со стороны Китая, о так называемой "желтой опасности". Такие военные деятели как, например, бывший министр А. Н. Куропаткин, предлагали "из соображений без-

опасности" отторгнуть часть китайской территории и "исправить границу" [26]. А. И. Деникин, будучи незаурядным военным аналитиком, считал подобные идеи абсурдными и крайне опасными, а политику российского правительства в отношении Китая очень недальновидной. С целью изложения своего взгляда на положение дел в Китае и перспективы развития российско-китайских отношений А. И. Деникин опубликовал в 1908 г. книгу "Русско-китайский вопрос" [4]. Данная работа является одной из наиболее интересных и глубоких публикаций того времени.

А. И. Деникин доказывал, что политика, осуществляемая российским правительством в дальневосточном регионе, не учитывает не только интересы Китая, но и противоречит собственным интересам России. Он отмечал, "насколько политика русского государства в отношении Китая в первом своем фазисе, то есть в течение 200 лет, являлась благоразумной, прямой и доброжелательной, настолько же с конца XIX столетия она приобретает специфический оттенок маккиавелизма, не соответствующий интересам России" [4, 13].

А. И. Деникин критически отнесся к строительству Китайско-Восточной дороги через территорию Китая, считая, что "экономическое значение дороги ныне ничтожно, стратегическое — 1500 верст по чужой территории — скорее отрицательное, в политическом плане создавалась острая причина будущих международных осложнений" [4, 10]. Он с известной долей сарказма отзывался о Витте и его суждениях относительно "мирного проникновения в Китай", называя этого творца идеи создания КВЖД "виновником нашего вторжения в Маньчжурию" [4, 9]. Все эти негативные факторы усугубились, по его мнению, бездарностью руководства КВЖД, непониманием местной специфики и произволом в отношении китайского населения. "Представительство России в оккупированной области" было вверено людям недобросовестным, "не стеснявшимся в способах и средствах для достижения своего благополучия" [4, 13]. С большим сожалением он писал, что "за несколько лет нашего пребывания в Маньчжурии поразительно мало русских выучилось китайскому языку; и за эту инертность приходится расплачиваться громадной долей того влияния, которое должно быть присуще твердой и справедливой власти" [4, 14—15].

Возмущение А. И. Деникина вызывало и то обстоятельство, что, вступая в войну с Японией, Россия совершенно не посчиталась с интересами Китая, на территории которого шли боевые действия: "Накопец, в 1904 г. на территории неповинного, нейтрального Китая разгрызается война, подвергнувшая «дружественную» страну огню, мечу, реквизициям и всем ужасам иноплеменного нашествия" [4, 15], хотя воевали между собой другие державы.

А. И. Деникин в своей работе одним из первых обратил внимание на новый фактор — "пробуждение Китая", которое, как он считал, "проглядела наша бездарная дипломатия" [4, 5]. Речь, по его мнению, шла о пробуждении национального самосознания в Китае и других странах Востока, когда "заимствованные новые формы науки, техники и искусства прежде всего направляются для ограждения страны от иноземной эксплуатации" [4, 4]. Причину назревавшего взрыва народного недовольства в странах Азии он видел в жестокой завоевательной политике западных держав, не считавшихся с национальными интересами и традициями восточных народов: "Если проследить роль культурных государств Европы в отношении народов Востока, мы увидим систематическую эксплуатацию и неукротимое стремление к порабощению их всеми возможными средствами: политикой, миссионерской проповедью, захватом рынков и, наконец, войною. Какие-либо более этические, просветительные побуждения в этих взаимоотношениях отсутствовали совершенно" [4, 4]. Первым, пусть еще варварским, но уже достаточно мощным всплеском недовольства китайцев политикой иностранных держав он считал "боксерское" восстание. Этот взрыв возмущения он характеризовал как "национальное движение против несправедливости, алчности и жестокости европейцев, стремившихся к расчленению Китая" [4, 12].

А. И. Деникин смог увидеть, что уже через несколько лет вместо стихийного бунта началось мощное движение за реформирование существующего строя. Под давлением прогрессивных чиновников и мыслителей даже "реакционное правительство Императрицы" пошло по пути реформ [4, 23]. А. И. Деникин положительно отзывался об идеях "знаменитого прогрессиста Цзэнга" (Цзэн Ци-цзэ. — *Н. С.*), сочинение которого он читал в русском переводе в "Сборнике материалов по Азии" [36]. Встав на путь либеральных реформ, цинское правительство занялось приготовлениями в области обороны, начались серьезные реформы в армии. А. И. Деникин считал, что большая заслуга в этом деле принадлежала генералу Юань Шикаю — "высоко-талантливому государственному деятелю" [4, 23—24]. Правда, с такой оценкой этого крупного китайского политика и военного были несогласны многие известные русские китаеведы того времени, отдававшие предпочтение Чжан Чжидуну как наиболее последовательному стороннику либеральных реформ в правящих кругах Китая [см., например, 29, 111—113].

А. И. Деникин последовательно развивал мысль о недалекости и пагубности внешнеполитического курса царского правительства, постоянно нацеленного на различные военные авантюры при отсутствии прочного тыла и полном безразличии к судьбе русского Приморья. Особенно опасной он считал деятельность статского советника

Безобразова. Подобные действия не только не укрепили военно-стратегические позиции России, но ослабляли ее в экономическом, военном и политическом отношениях, подрывали ее престиж в странах Азии, вели к ухудшению взаимоотношений с Китаем. В этой ситуации, по мнению А. И. Деникина, существовала опасность ухудшения отношения к русским со стороны простых китайцев. Он полагал, что российская дипломатия "должна стать на точку правильного понимания государственных интересов, поддерживая доброжелательные отношения с Китаем и Японией" [4, 55]. А. И. Деникин смог увидеть "пробуждение Китая" и считал, что в будущем от взаимоотношений русского и китайского народов будет зависеть спокойствие на Дальнем Востоке и безопасность России.

Впечатления П. Н. Краснова о поездке по странам Дальнего Востока

Петр Николаевич Краснов — один из самых известных руководителей Белого движения. Как и в случае с Л. Г. Корниловым и А. И. Деникиным, этим объясняется то, что дореволюционный период его биографии долгое время оставался фактически неосвещенным в отечественной историографии.

П. Н. Краснов родился в Санкт-Петербурге в 1869 г., где его отец, казак и генерал-лейтенант, служил в Главном управлении иррегулярных (казачьих) войск. Окончив 1-е Павловское военное училище, в 1889 г. был зачислен в лейб-гвардии Атаманский полк.

В 1897 г. по высочайшему повелению он назначается начальником конвоя Российской императорской миссии в Абиссинию, которую возглавлял чрезвычайный посол, также донской казак, П. М. Власов. В феврале 1898 г. в Аддис-Абебе П. Н. Краснов демонстрировал учение и джигитовку донских казаков перед негусом Менеликом II, за что получил от негуса орден Звезды 3-й степени [21, 229]. Тогда же П. Н. Краснов был послан курьером в Россию с секретными документами и доставил их на тридцатый день, "употребив на пробег на муле тысячеверстного расстояния от Аддис-Абебы до Джибути 11 дней" [37, 4]. За эту командировку он получил орден Св. Станислава 2-й степени.

Свои впечатления о путешествии в загадочную древнюю страну П. Н. Краснов в увлекательной форме изложил в книге "Казак в Африке", опубликованной в 1899 г. [12]¹⁰. Именно тогда П. Н. Краснов назвал Абиссинию "сказочной страной со сказочным добрым и гуманным царем" [12, 292].

---

¹⁰ Второе издание этой книги вышло в свет в 1909 г. под названием "Казак в Абиссинии" [16].

В 1901 г. во время "боксерского" восстания он был командирован на Дальний Восток в качестве специального корреспондента "Русского инвалида" — официальной газеты военного министерства. Затем последовало его главное путешествие по странам Азии, которое подробно будет рассмотрено ниже.

Когда началась русско-японская война, П. Н. Краснов был направлен военным корреспондентом на театр военных действий. Он принял участие в боях и получил множество наград. Итогом его пребывания на фронте явилось появление большого труда: "Год войны. 14 месяцев на войне", представляющего собой подробный очерк событий русско-японской войны и содержащего обширную информацию о жизни Китая того времени [15]. Отдельные эпизоды войны были также описаны им в брошюре "Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом", выпущенной в серии "Отечественная библиотека" [17].

П. Н. Краснов принимал активное участие в первой мировой войне, командуя бригадами и дивизией, за что был награжден Георгиевским оружием и многими орденами. Собранный в 1918 г. в Новочеркасске Круг Спасения Дона избрал П. Н. Краснова атаманом Всевеликого войска донского. На этом посту он находился до февраля 1919 г. Во время второй мировой войны сотрудничал с немцами. Казнен 17 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР во дворе Лефортовской тюрьмы.

П. Н. Краснов известен также как плодовитый писатель, автор большого количества романов и повестей. Его произведения были переведены на 17 иностранных языков. Действие некоторых из них разворачивается на Востоке. Роман "Погром" посвящен событиям русско-японской войны [18]. В повести "Любовь абиссинки" основные события происходят в Африке [19].

Книга П. Н. Краснова "Борьба с Китаем", посвященная "боксерскому" восстанию и участию русских войск в его подавлении, также написана в жанре беллетристики. Она интересна тем, что содержит много личных впечатлений автора, хотя там и присутствует значительная доля вымысла. К тому же П. Н. Краснов явно старался приукрасить действия русских.

Признавая, что причиной взрыва народного недовольства в Китае явились действия европейцев, которые "везли опиум, спаивали им народ, тянули деньги за все, силой заставляли китайцев изменить веру отцов" [13, 8], он все же считал участие России в интервенции 8 держав справедливым и правильным. О подавлении восстания он писал следующее: "Нашим сам Бог помог. Наше дело было правое — защита обиженных, выручка угнетаемых, — такая война святая. В такой войне Бог водит солдат и Ангелы Его святые защищают от вражеских

пуль... Китайцы получили от нас тяжелый урок, но во всех делах России они увидели, что урок уроком, а добрые соседские отношения остаются по-старому. Царь наказал богдыхана, царь и помиловал... И добрая слава пошла о русских по всему Китаю, по всей Азии" [13, 121].

В попытках убедить читателя в особом отношении китайцев к русским П. Н. Краснов порой прибегал к очень красочным, хотя и вызывающим сомнение описаниям. Он утверждал, что "среди европейских войск русские всегда шли впереди и это твердо врезалось в памяти китайцев и, как раньше, выделяли они русских, как людей справедливых, так теперь преклонялись и перед русской храбростью" [13, 71].

Следует отметить, что А. И. Деникин порой весьма скептически относился к суждениям, высказывавшимся П. Н. Красновым, считая, что жизненную правду он приносил в жертву "ведомственным" интересам. Однажды, когда два будущих лидера Белого движения ехали на фронт русско-японской войны, П. Н. Краснов признался, что во многих его публикациях присутствует "поэтический вымысел". По этому поводу уже в конце своей жизни А. И. Деникин написал: "Этот элемент «поэтического вымысла» в ущерб правде прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова — плодовитого писателя, написавшего десятки томов романов; прошел через сношения атамана с властью Юга России (1918—1919), через позднейшие повествования его о борьбе Дона и, что особенно трагично, через «вдохновенные» призывы его к казачеству — идти под знаменем Гитлера" [4, 108—109].

И все же, несмотря на указанные критические замечания, публицистические сочинения и очерки П. Н. Краснова содержат очень интересный материал, чаще всего основанный на личных наблюдениях. Наиболее любопытными с точки зрения востоковеда следует признать его пространные заметки о путешествии по странам Азии с сентября 1901 г. по март 1902 г. Сначала отдельные очерки печатались в "Русском инвалиде", а затем, в 1903 г., были опубликованы в виде большой книги с прекрасными иллюстрациями [14]. За шесть с половиной месяцев П. Н. Краснов побывал в Китае, Японии, Индии, на Цейлоне, посетил Гонконг, Сайгон, Сингапур.

Ценность книги П. Н. Краснова состоит в том, что она представляет собой живое повествование о жизни крупнейших стран Восточной и Южной Азии в самом начале XX в. Колоритные зарисовки жизни азиатских городов соседствуют с интереснейшими описаниями природы далеких стран, архитектурных и исторических памятников. Рельефно и сочно нарисованы человеческие типы, характеры представителей разных народов. В книге присутствуют и рассуждения аналитического характера, попытки оценить место и роль России и русских на Востоке, разобраться в отношениях между державами Запада и

странами Азии, стремление проникнуть в суть азиатского мировосприятия. Очень важными представляются наблюдения П. Н. Краснова о ситуации в Китае после восстания ихэтуаней, о настроениях китайцев в этот период, описание жизни и поведения солдат иностранных армий, находившихся в то время в Среднем государстве на основании Заключительного протокола 1901 г.

В книге содержится одно из первых в литературе описаний Харбина, появившегося на карте вместе со строившейся Китайско-Восточной железной дорогой, которому суждено было стать одним из крупнейших городов северо-восточного Китая. Наконец, П. Н. Краснов побывал в Японии незадолго до начала русско-японской войны, и его наблюдения могут быть интересны для изучения восприятия русскими усиливавшейся японской военной мощи и готовности японцев к войне.

7 сентября 1901 г. П. Н. Краснов выехал по Николаевской железной дороге из Санкт-Петербурга в Москву, а затем на поезде пронесся через всю Россию и 17 сентября добрался до Иркутска. Далее его путь лежал в Маньчжурию. На КВЖД в то время еще не было регулярного движения и приходилось ездить на поездах, предназначенных для рабочих и дорожных мастеров. Дорога еще только начинала входить в строй. В северной Маньчжурии он посетил Хайлар, Цицикар, Харбин, побродил по горам Хингана, охотясь на фазанов, общался с русскими солдатами и офицерами, расквартированными в этих районах, встречался с китайцами и маньчжурами, его принимали представители местной администрации, в частности — цицикарский фудутун [14, 117]. Большое впечатление на него произвели хайларские кумирни.

Описания маньчжурских деревень, имеющиеся в книге, дают яркое представление о жизни и быте жителей северо-восточного Китая начала XX в.: "Я пересек три деревни. Улицы деревень образовались глиняными заборами. За заборами стояли фанзы. Фанза — это мазанка о двух или трех комнатах с сенями и большими окнами с резным переплетом, заклеенными особенно прочной белой бумагой. От этих окон в фанзах всегда царит какой-то тусклый полусвет, и они кажутся бледными и невеселыми. Вокруг комнаты вьется труба, приспособленная для сидения и лежания и называемая каном. Кан сделан из глины четырехугольной формы, и входит в печь, расположенную снаружи фанзы и имеющую высокую пирамидальную трубу. От кана в фанзе тесно. Рядом с фанзой сарай для овощей, для скота, у иных маленькая домашняя кумирня. Все эти постройки заключены в невысокую глиняную загородку, образующую двор. На иных дворах помещается и огород. Усадьбы раскинуты во все стороны, образуя лабиринт улиц, страшно пыльных в то время, когда мы ехали" [14, 103].

Любопытно описание только недавно возникшего Харбина — русского города посреди безбрежного "китайского моря": "Два года тому назад здесь стояла жалкая манзовская деревушка, теперь здесь кипит русская городская жизнь. Харбин дерзает называть маньчжурским Петербургом... — ну, до Петербурга ему далеко, но волею людскою все-таки здесь творится нечто особенное. Харбин состоит из трех частей — «пристань», «Сунгари», или новый Харбин, и «старый Харбин». На «пристань» много длинных каменных пакгаузов, уютных домиков дачного типа, барачков и лавок. Здесь же стоит и громадная мельница. За пристанью — 4 версты езды по болоту, крутой и довольно-таки некультурный подъем и «Сунгари». «Сунгари» распланирован на много широких улиц, продольных и поперечных, в нем есть фонари, тротуары, есть каменная и довольно красивая церковь, несколько прекрасных кирпичных зданий, что-то вроде клуба и целая серия лачуг — и, наконец, в «старом Харбине», в 8 верстах от «Сунгари», чудные магазины Кунста, Чурина, правление китайской дороги, банк, дворец Юговича в саду из старых дубов и тальника, с цветниками и изящными дорожками, остатки жалкой китайской крепости, пограничная стража, рынок, электрическое и керосиновое освещение маленьких одноэтажных лачуг барачного типа" [14, 124—125].

После Харбина П. Н. Краснов на корабле "Успех" прошёл по Сунгари и Амуру. Он прибыл на российский Дальний Восток, посетил города Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский, охотился в Уссурийской тайге, побывал на казачьем хуторе и в деревне гольдов.

Ознакомившись с жизнью русских на Дальнем Востоке, П. Н. Краснов вновь направился в Маньчжурию и прибыл в Гирина — в то время второй по величине город северо-восточного Китая. Он осмотрел все наиболее значительные места Гирина и даже присутствовал на казни преступников. Особый интерес у него вызвала торговля, которую оживленно вели китайцы на улицах города. Он бродил по узеньким улочкам и присматривался к колоритным сценам. Описание лавок и торговли в Гирине в его книге представляется очень ярким и интересным для историков и этнографов: "Кругом лавки. Воюющие «чофаны» с кипятком и жирными противнями, уставленными толстыми каравайчиками теста, всяким варевом, пареной морской травой, рисом и чумизой, лавки мясные, лавки, возле которых висят длинные и блестящие гирлянды золотисто-красных и изумрудных фазанов, маленькие зайчики и словно колоды приставлены замерзшие туши диких коз, рядом зеленные с капустой, морской травой, рисом, зерном и редиской, целый ряд кож, шкур лисьих и енотовых, собачьих и кошачьих, целые шубы из серых кошек, шапки с оторочкой мехом кота, енота, лисицы или черной собаки; сапоги, продажа редкостей, изделий из нефрита, печаток, чернильниц, трубок и трубочек, лавка жестянщика

с целым рядом фонарей, чайников и ведерок, еще далее четырехугольный резной ящик с драконом означает помещение серебреника. Здесь кропотливо выделывают те цветы причудливой формы, кузнечиков с двоящими усами и шевелящихся рыбок, которыми любят украшать свои жирные черные волосы китайянки, здесь же, ради русской моды, готовят бокальчики, спичечницы и порт-сигары с изображением китайского дракона и надписью китайскими знаками любой русской фамилии, причем, так как почти любой русский слог отвечает целому ряду китайских слов, то любезный и приветливый мастер непременно подберет хорошие слова: «божество», «друг», «орел», или что-либо в этом роде" [14, 233]. Читая эти описания, погружаешься в атмосферу китайского базара, слышишь его звуки, чувствуешь запахи.

Пообщавшись с гириными торговцами, П. Н. Краснов обратил внимание на то, что в Маньчжурии высоко котируется русский рубль, который "идет сильно в гору". "Доверие русскому рублю полное, а потому товары за русские деньги идут дешевле, нежели за китайские" [14, 235]. П. Н. Краснов встречался с китайцами, которые активно вели торговлю с Россией, ездили в Москву закупать стекло, железо, ножи, одежду и другие предметы русского производства, пользовавшиеся спросом в Китае. Ему было досадно, что русские предприниматели явно отставали от китайцев в вопросах активной торговли и медлили с выгодными для российской стороны поставками. С сожалением и известной долей иронии П. Н. Краснов писал: "Еще наши гириные кушцы Соловей и К° везут только смирновку и консервы да бакалею, а уж торговый ум китайца задумывает завести правильную и дельную торговлю с Россией. За ситец, скобяной товар и за железо, в котором так нуждаются китайцы, он отдает шелка, медь, серебро и кропотливую китайскую вышивку. Дзянь-дзюнь, который несмотря на свой высокий сан такой же купец, как и прочие гириные торгаша, хлопочет об электричестве в Гирине и об железной дороге на Куан-чендзы. Русская торговая предприимчивость пока спит" [14, 236]. Меткие замечания П. Н. Краснова свидетельствуют, что Россия в тот период не использовала благоприятную для нее возможность экономического проникновения в глубь Китая и занятия ключевых позиций на китайском рынке.

Посетив гириные кумирни и другие достопримечательности, П. Н. Краснов отправился в Порт-Артур. Он отмечает, что морозы в декабре 1901 г. в этих районах достигли -20 — -30° . В Порт-Артуре он наблюдал жизнь китайцев и русских военнослужащих, получил приглашение посетить крейсер "Рюрик". Затем на пароходе "Инкоу" отплыл в Чифу. Когда пароходик вышел из бухты на рейд, перед взором П. Н. Краснова предстала во всей красе российская эскадра: "Наварин", "Сысой Великий", "Нахимов", "Севастополь" и другие корабли.

Вряд ли русский военный корреспондент мог представить в тот момент, что многие из этих судов погибнут в морских сражениях всего лишь через 3 года.

Проехав через Тяньцзинь, П. Н. Краснов в конце декабря прибыл в Пекин, поразивший его величием и грандиозностью своих построек: "От Пекина у меня остались только впечатления яркие, пестрые, грандиозные. Уже подъезжая к Пекину чувствуешь, что тут бьется пульс какой-то большой жизни, что это центр..." [14, 321].

П. Н. Краснову удалось проникнуть внутрь императорского дворца и в летнюю резиденцию императрицы Цыси в парке Ихэюань, так как императорский двор еще не вернулся в Пекин после бегства от наступавших войск союзных держав. Он посетил храм Неба, побывал в буддийских монастырях и храме Конфуция, восторгаясь китайскими древностями, осмотрел торговую улицу Цяньмэнь. Очень подробно описал состояние, деятельность и условия пребывания в Пекине иностранных войск: немцев, японцев, англичан, американцев и др. [14, 351—367].

И хотя в свое время в книге "Борьба с Китаем" П. Н. Краснов прославлял европейские войска, наносившие поражения китайцам во время подавления восстания ихэтуаней, теперь он, не скрывая деталей, во всех подробностях описал результаты варварских акций иностранных солдат во время взятия ими Пекина. С помощью одного китайского офицера ему удалось попасть в парк Ихэюань. Перед глазами открылась ужасная картина разрушения: "На мраморном полу валялось битое стекло, клочки бумаги, мятые жестянки из-под консервов, солома и сено. Громадное в несколько квадратных сажень зеркало было разбито. Дворец был пуст и чья-то кощунственная рука ударом приклада разбила тонкую художественную раму черного дерева. Все поломяно и исковеркано. Мой проводник китайский капитан берет меня осторожно за рукав и красивым жестом указывает на разбитую художественную резьбу. «Итали», — с пафосом говорит он, и сколько негодования и возмущения в тоне его голоса и, взмахнув пальцем перед лицом, он тоном ниже добавляет, — «пу-хау» (нехорошо). О! сколько осуждения в этих словах! Сколько горечи, обиды, сознания непоправимого, ни на чем не основанного вандализма" [14, 338]. Вполне естественной поэтому показалась ему ненависть к иностранным солдатам, испытываемая многими китайцами. Тот же офицер высказался в адрес англичан, итальянцев, немцев: "Итали, инглези, аллеманы — «ша» (убить) и замолчал" [14, 339].

Но не везде в Пекине были видны следы разрушения, отдельные памятники старины остались неповрежденными. Увидев, что храм Конфуция и буддийский монастырь выглядят целыми и невредимыми, П. Н. Краснов задался вопросом, что спасло их от вандализма, и выяснил следующее: "Ни в том, ни в другом монастыре не было ни следа

разрушения. Все было цело. Может быть союзники испугались грозного вида гиганта Будды, может быть их смутил полумрак и лампадки, или до них дошли слухи о мягком учении Будды и Конфуция и они пощадили их храмы? О, нет! Немцы выволокли в одном месте богов в огород, а сами разместились в их кумирне, лампадки и полумрак их не испугали, и Конфуций, и Будда мало известны в Европе. Просто, сначала их оберегал русский архимандрит, начальник православной духовной миссии, человек высокопросвещенный и гуманный¹¹, а потом охранять их стали японцы, ничего не бравшие, кроме оружия, денег и настоящей военной добычи" [14, 350].

В итоге Пекин оставил у П. Н. Краснова двойственное впечатление: с одной стороны — живая сказка, великолепные дворцы, храмы, сады, с другой — разрушения, причиненные представителями западной цивилизации, бесчисленные следы насилия.

После посещения китайской столицы П. Н. Краснов вернулся в Порт-Артур с тем, чтобы оттуда совершить поездку на Японские острова. Японцы вызывали у него большое уважение. Еще в начале пути он именовал их "людьми будущего, способными, энергичными, ловкими" [14, 1]. Четырнадцать дней, проведенные в Японии, укрепили его в этом убеждении. За короткий срок он успел побывать в Нагасаки, Симоносеки, Кобе, Токио, увидел озеро Бива и гору Фудзияма, смог на собственном опыте высоко оценить успехи японцев в развитии железных дорог, покатался верхом по японским горам, получил удовольствие от общения с гейшами. Особое внимание П. Н. Краснова привлекали армия и флот Японии. Он присутствовал на военных учениях, посетил кавалерийскую школу.

И все-таки следует признать, что, подобно многим русским военным того времени, П. Н. Краснов не смог в достаточной мере оценить возможности и потенциал вооруженных сил Японии. В России прочно укрепилось мнение о превосходстве русской армии над японской. До русско-японской войны оставалось чуть более двух лет, а П. Н. Краснов писал: "Японцы тратят страшно много денег, труда и времени, чтобы создать себе кавалерию и ничего не создали, а у нас она была, есть и будет себя, без всякого усилия, потому что мы имеем лошадей и всадника, а бедные японцы не имеют ни лошади, ни всадника, и потому все их усилия разбиваются как горох о каменную стену" [14, 462]. Не менее резким и однозначным было его суждение о возможностях японского военно-морского флота, того самого, коему было суждено нанести ряд серьезнейших поражений флоту российскому: "Говорят, японский флот страшен. Говорят, он сильнее русского! Да полно? Да

---

¹¹ П. Н. Краснов имеет в виду архимандрита Иннокентия (Фигуровского), возглавлявшего 18-ю Российскую Духовную миссию в Пекине. В 1902 г. он был возведен в сан епископа Переяславского, впоследствии — митрополит Пекянский и Китайский.

так-ли? Ведь силу флота, как и сухопутного войска, составляют не броненосцы и крейсера, а те люди, которые ими управляют и одухотворяют" [14, 462]. Однако в начале XX в. именно техника стала играть первостепенную роль, и японцы ("люди будущего" — по образному выражению самого П. Н. Краснова) усвоили это очень хорошо.

Особенностью путевых заметок П. Н. Краснова следует признать то, что он смог осмотреть очень многое и красочно описать все виденное, но иногда сильное увлечение чем-либо, какой-то одной идеей не давало ему возможности разглядеть нечто очень существенное. По этой причине он не сумел в должной мере оценить возможности Японии, способность ее вооруженных сил нанести поражение сильному противнику.

Далее маршрут П. Н. Краснова прошел по южным морям. Он посетил Шанхай, Гонконг, Сайгон, Сингапур, Коломбо и завершил свое путешествие поездкой по Индии, оставив красочные описания Пондичери, Мадраса, Калькутты, Бенареса, Агры, Бомбея. Индия — "страна чудес" — вызвала у него чувство нескрываемого восторга.

Три видных военных деятеля России, три человека, жизнь и деятельность которых оказались связаны с Востоком, — каждый из них смотрел на страны Азии глазами русского военного и увидел что-то свое, постарался обосновать свой собственный взгляд и подход. Л. Г. Корнилов — отлично подготовленный военный специалист, досконально изучивший сопредельные страны Азии, владевший восточными языками, его работы по праву завоевали высокую оценку современников-востоковедов. А. И. Деникин — блестящий военный аналитик, прекрасно разбиравшийся в международной военно-политической обстановке, сумевший увидеть в ситуации на Дальнем Востоке в начале XX в. многое из того, что было упущено в то время российскими дипломатами и военными. П. Н. Краснов — одаренный писатель и журналист, автор прекрасно запоминающихся красочных описаний жизни стран Азии начала XX в., хотя и уступавший двум указанным выше авторам в глубине анализа и видении исторической перспективы. Каждый из них внес свой вклад в то, чтобы русские люди знали больше о странах и народах Востока и лучше их понимали. Работы Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и П. Н. Краснова по праву должны занять соответствующее место в ряду лучших трудов русских военных деятелей о Востоке.

Литература

1. Архив востоковедов СПбФИВРАН. Фонд 116.
2. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Фонд 418.
3. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990.
4. Деникин А. И. Русско-китайский вопрос: Военно-политический очерк. Варшава, 1908.

5. *Корнилов Л. Г.* Очерк административного устройства Сивь-Цзяна. // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 26. Март 1901.
6. *Корнилов Л. Г.* Вооруженные силы Китая в Кашгарии // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 32—33, 1902.
7. *Корнилов Л. Г.* Поездка в Дейдади // Добавление к "Сборнику материалов по Азии". № 6. 1902.
8. *Корнилов Л. Г.* Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903.
9. *Корнилов Л. Г.* Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России в Афганистана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 78. 1905.
10. *Корнилов Л. Г.* Нушки-Сеястанская дорога. Маршрутное описание Нушки-Сеястанской дороги (участок Кала-и-рабат—Кветта) // Сборник: географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 78. 1905.
11. *Корнилов Л. Г.* Отчет о поездке в Индию // Добавление к "Сборнику материалов по Азии". № 8. 1905.
12. *Краснов П. Н.* Казаки в Африке. Дневник начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинию в 1897/98 году. СПб., 1899.
13. *Краснов П. Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году. СПб., 1901.
14. *Краснов П. Н.* По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903.
15. *Краснов П. Н.* Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года. Т. 1—2. СПб., 1905.
16. *Краснов П. Н.* Казаки в Абиссинии. СПб., 1909.
17. *Краснов П. Н.* Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом. СПб., 1911.
18. *Краснов П. Н.* Погром: Роман из русско-японской войны. Пг., 1915.
19. *Краснов П. Н.* Любовь абиссинки. (Герунеш): Повести и рассказы. СПб., 6. г.
20. *Бартольд В. В.* [Рец. на книги]: Д. Федоров. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903; Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903 // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 15. Вып. 1. 1903.
21. Донцы XIX века: Биографии и материалы для биографий Донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусства, литературы и проч. Новочеркасск, 1907.
22. *Иоффе Г. З.* "Белое дело". Генерал Корнилов. М., 1989.
23. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
24. *Катков Г. М.* Дело Корнилова: (Исследования новейшей русской истории) / Под общ. ред. А. И. Солженицына. Париж, 1987.
25. *Куропаткин А. Н.* Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
26. *Куропаткин А. Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
27. *Мартынов Е. И.* За что я был предан суду и осужден. М., 1914.
28. *Мартынов Е. И.* Корнилов (Попытка военного переворота). М., 1927.
29. *Петров А. Н.* Китай за последнее десятилетие: (Социально-политический очерк). СПб., 1910.
30. [*Плетнев В. Д.*] Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг., 1917 (?).
31. Россия и Индия. М., 1986.
32. *Серебренников И. К.* Индо-британская армия. Ташкент, 1903.
33. *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960.
34. *Тузелице Н.* [Добровольский Н. Т.]. Генерал Л. Г. Корнилов. Ростов-на-Дону, 1919.
35. *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903.
36. [*Цзин Ци-цзв.*] Сон и пробуждение Китая. Маркиза Тзента // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 20. 1887.
37. *Щепкин Г.* Донской Атаман Генерал от Кавалерии Петр Николаевич Краснов. Новочеркасск, 1919.